Почему так волнительно после долгой разлуки возвращаться в родные края? Ещё на полпути сердце, словно зажатый в ладони воробушек, начинает колотиться, норовит вырваться из груди и освободившейся из плена птицей быстрей любого скоростного транспорта долететь до отчего дома. А когда подъезжаешь к селу, и вот-вот из-за поворота покажутся первые избы, твоё выпорхнувшее из груди и долетевшее на крыльях памяти взволнованное сердце уже давно прошлось по узким улочкам деревеньки, отворило скрипучую калитку, взошло на покосившееся крыльцо, и разве только не спешит повернуть ключ в ржавом висячем замке давно покинутого родимого дома.

Быть может, происходит всё это потому, что в родных местах навечно остаются и живут наши кровные частицы. Частички души, воспоминаний, значимых событий, повлиявших, так или иначе, на нашу судьбу. В час разлуки душа не хочет следовать за физическим естеством и цепляясь, как маленький ребёнок, слабенькими ручонками за ветви яблонь в саду, за резные кружева наличников, за потрескавшийся штакетник забора, рвётся с неслышимым стоном на мелкие неосязаемые клочья, оставляя внутри человека незалечимые, кровоточащие раны. А оторвавшиеся лоскутки навсегда остаются и сращиваются воедино с белоликими туманами, чистыми слезами и тёплыми сердцами родных людей, с потрескиванием поленьев в хлебосольной печи, шелестом листьев берёзовой рощицы за околицей. Эти отделившиеся, оставшиеся на родной земле частички живут своей жизнью, но неустанно ждут нас, напоминают о себе на чужбине завораживающей пеленой непроглядных туманов, трескучими искрами походных костров, росистыми слёзами, что стекают по белым щекам берёзок, и вызывают у нас трепетные воспоминания, что побуждают и заставляют нас возвращаться к своим корням, к своим истокам.

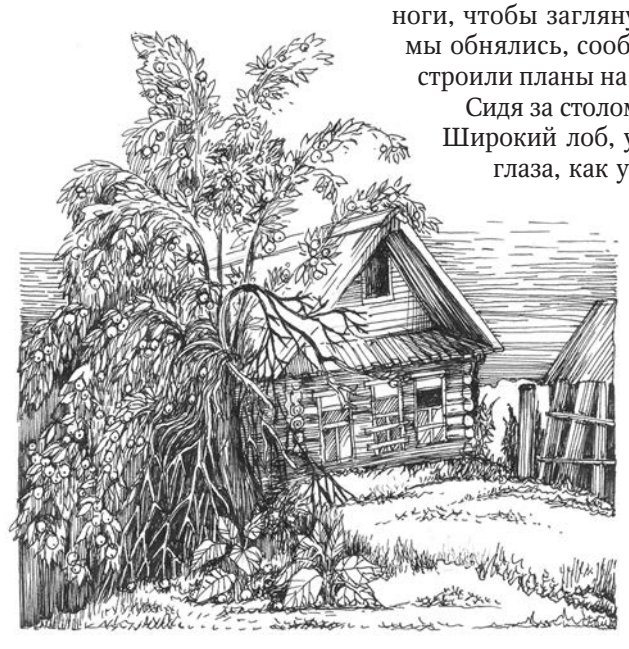
И когда, вернувшись, мы ступаем на родную землю, на родимый порог, эти частички вновь воссоединяются с нами, проникают вместе с благодатным воздухом, целительной свежестью утренних туманов под нашу огрубевшую кожу и вновь срастаются в единое целое, как сливаются на рассвете в одно большое сверкающее ядро крошечные капельки росы на смородиновом листе. И тогда на душе затягиваются раны и наступают умиротворяющий покой и неописуемая благодать. Вдали от родины мы суетимся в малопонятных и бесполезных хлопотах, нам постоянно, ежеминутно чего-то не хватает. Живём и чувствуем себя, как не в своей тарелке. И лишь вернувшись, мы сызнова обретаем твёрдую почву под ногами, свою дарованную нам родной землёй цельную сущность, к нам возвращаются силы и уверенность в завтрашнем дне, и мы начинаем ощущать себя, как в детстве, истинно счастливыми и защищёнными от всех невзгод и несчастий.

В один из приездов в деревню, будучи ещё молодым, я остановился в доме уже давно почивших прародителей по материнской линии. Стоявшая на опушке изба заметно осела и вросла в землю. Только лес за оградой совсем не изменился и возвышался зелёной вечной стеной. Был поздний вечер, и развесистые лапы елей на глазах покрывались густым инеем белоснежного тумана. Почудилось, будто внезапно, не дождавшись своей очереди, наступила зима и тёплой летней порой засыпала лес и опушку дивным невесомым снежком.

На ночь в доме я расположился на широкой, больше похожей на кровать деревянной скамье, что стояла под самым окошком на кухне, поскольку встопорщенный под обшивкой бугорками пружин старый диван уже давно утратил своё истинное предназначение, а кровати издавали такой ужасный скрип, что в ночной тишине казалось — над самым ухом пиликает в первый раз взявший в руки скрипку заведомо бездарный музыкант. На чердаке избы с давних пор обустроили своё гнездо огромные шершни, и, сколько себя помню, всегда засыпал под монотонный гул прилетавших и улетавших крылатых обитателей дома. Этот гул убаюкивал так же, как шорох бьющихся о берег речных волн. Но иногда какой-нибудь из заблудившихся шершней залетал внутрь дома, и тогда казалось, будто под потолком летает пикирующий бомбардировщик, сотрясая воздух оглушительным гудящим рёвом.

Долго не мог уснуть. Вспоминалось детство, прадедушка и прабабушка, и ушедшая в иную жизнь, когда я был ещё ребёнком, мать отца — моя бабушка Маня, что жила через три дома на этой же улице. Как сильна и цепка наша детская память! Когда бабушка Маня ушла, я был совсем мальцом, но до сих пор отчётливо помню черты её лица, цвет мягких волос, радушный голос, тепло натруженных рук, мудрый и заботливый взгляд. Я думаю, что это и есть та дарованная нам свыше Божественная духовная связь, которая позволяет всегда быть рядом с милыми нашему сердцу, любимыми людьми, ощущать их постоянное присутствие.

Наутро я проснулся от тихого стука в окно. Это был мой двоюродный дядька. Дядя Серёжа. Изба настолько осела, что ему не нужно было ничего подставлять под ноги, чтобы заглянуть в окошко. Я отворил дверь, мы обнялись, сообразили нехитрый завтрак и выстроили планы на день.



Сидя за столом, я смотрел в лицо дяди Серёжи. Широкий лоб, узкие губы и наивные грустные глаза, как у обиженного, без вины наказанного ребёнка. В деревне люди считали Сергея человеком не от мира сего. Из-за болезни в школе он отучился всего год. Работал на протяжении жизни пастухом. Когда я гостил в деревне, дядя Серёжа частенько брал меня с собой на выпас. Молчаливый, всегда задумчивый дядя Серёжа обладал большим сердцем и добрым нравом. Про таких говорят — и мухи не обидит. Если дядя Серёжа чего-то и говорил, то говорил кратко или вовсе выразительно

отмахивался от собеседника рукой, давая тому понять, что разговор окончен и предмет беседы ему совсем не интересен. Женился Сергей на девице из соседней деревни. Его жену Лёлю односельчане так же считали чудаковатой, но мне она помнится простой, радушной и улыбчивой девушкой. Улыбка никогда не сходила с её лица. Частенько я заставал Лёлю прикорнувшей где-нибудь на стуле в избе или во дворе на лавочке. И во сне она улыбалась, и казалось, что ей снится сладкий, волшебный сон. А когда просыпалась, этот чудный сон так и оставался на её круглом, румяном лице и не стирался весь день.

Позавтракав на скорую руку, первым делом мы с дядей Серёжей, прихватив в сельпо бутылку водки и провизию, направились на погост в соседнее село. Шагая по лесной дороге, я заметил, что дядька вдруг начинал крутить от плеча согнутыми в локтях руками, словно делал утреннюю гимнастику, а после небольшого перерыва вновь повторял те же движения.

Я над ним подшутил: «Дядя Серёжа, забыл сегодня зарядку сделать?» На что он мне ответил: «Что-то всё тело ломит. Умру я, наверно, скоро. Может, этой ночью и умру». Конечно же, я пропустил его слова мимо ушей и прибавил шагу, любуясь на ходу высокими пушистыми елями, что подступали к самой дороге. От дороги по обеим сторонам лес отделяли только неглубокие, не больше двух метров шириной, заросшие кустарником протоки, которые мы с младшим братом Сергея дядей Сашей или с друзьями когда-то прочёсывали бредешком, вылавливая на жарёху или для живца некрупных карасей.

На погосте, что прилегал к селу, были похоронены мои родственники с обеих сторон, и пока мы всех проведали и помянули, прошло немало времени. Последней навестили мою ушедшую в мир иной в младенчестве двоюродную сестрёнку. Её могилка приютилась под большим высохшим деревом в двух шагах от полуразрушенной церкви. И я всегда радовался тому, что сестрёнка находилась под самим Покровом Пресвятой Богородицы, в честь которой в стародавние времена был воздвижен сей храм.

Вспомнились строки Николая Рубцова: «Купол церковной обители яркой травою зарос». И вот их воплощение — на кирпичной красной почве Покровской церкви уже давно пустили корни и потянулись вверх с замшелых уступов тонкие берёзки. От храма остались только стены, но внутри среди ликов святых на чудом сохранившихся фресках царила веками намоленная благодать. Здесь молились за весь род, а значит, и за меня, мои прародители. Тогда я ещё не принял таинство крещения, но, стоя посреди храма в ярких лучах проникающего через оконные проёмы и обезглавленный свод купола сияющего солнца, я представлял, как, держа в руках тающие свечи, отстаивали вечерние и утренние службы мои предки, как они склонялись перед ликами на иконах, и мысленно, неумеючи пытался сквозь время молиться вместе с ними.

От погоста мы направились в дальнюю деревню, куда после смерти бабы Мани перебрался мой дедушка. По пути опять зашли в магазин за гостинцами. Выйдя из магазина и не успев отойти от него и ста метров, я вдруг получил тупой жёсткий удар в заднее место. Резко обернувшись, с изумлением увидел перед собой наглую козлиную морду с плюгавой бородкой и длинными рогами, что во благо мне были загнуты назад. Но больше меня удивило то, что вокруг было немало людей, и мне было не понятно, почему именно я стал объектом внимания задиростого животного. Я терялся в догадках, чем же ему приглянулся. Может, тем, что остальные задницы ему были уже хорошо знакомы, а новое всегда притягивает больше. Бодливый козёл преследовал меня, а у дяди Серёжи появилась улыбка на лице. Он потешался надо мной, как я уворачивался и подставлял руки под удары. Когда же вредный козёл от нас отстал, на лицо Сергея легла печаль, и он опять принялся размахивать руками. «Да что

с тобой? — уже обратил я на странное поведение дядьки слабое внимание. «Умру я, Димка! Точно умру,— не глядя на меня, отозвался дядя Серёжа.— Вот не знаю, откуда, но чувствую, что помру».— «Хватит ерунду молоть! — в сердцах выпалил я.— Вон сколько километров протопали! За тобой ещё и не угонишься. Заладил — умру, умру... Ещё меня переживёшь!» — «Умру, и всё тут»,— себе под нос, отстранившись от моего резкого тона, еле слышно пробубнил дядя Серёжа.

Вскоре добрались до деда. Небольшая деревенька в два ряда стояла на холме посреди бескрайних лесов и непроходимых болот. Дедушка не ожидал, что его навестит внук, и потому очень обрадовался. Была рада гостям и его новая хозяйка, с которой у меня с детства сложились тёплые отношения. Но пообщаться пришлось недолго. В разговорах и воспоминаниях время пролетело незаметно. Пообещав, что наведаюсь через недельку, мы с дядькой поторопились раскланяться, чтобы успеть на проходящий поезд, поскольку даже представить было трудно, что мы после тостов и угощений преодолеем обратный путь на своих двоих. А на поезде одна остановка, десять минут, и мы на месте. Дед проводил нас до перрона и, попрощавшись, мы заскочили в тамбур вагона подошедшего поезда.

Состав тронулся. Через тусклое окно тамбура я любовался пёстрой растительностью тверских болот, чьи непролазные гиблые топи стерегли девственный покой живой нетронутой природы. Смеркалось, и туман застилал мхи своей окладистой седой бородой, расчёсывая её зубьями полувысохших сосен.

От станции, уставшие, шли молча, и только дядя Серёжа всё не переставал вертеть руками. Мы дошли до избы дяди, что оставили ему после себя его родители, переехав в другой дом. Дядя Серёжа открыл калитку, обернулся, пристально заглянул мне в глаза и спокойно, тихо вымолвил: «Небось не увидимся мы, Димка, больше». Я обнял его за плечи, думая про себя: «Чудит дядька, да и Бог с ним», а вслух сказал: «Устал ты просто. Весь день на ногах. Поспишь и поутру забудешь всякие глупости. Через пару деньков приеду, и на моём дне рождения погуляем, как следует!» На том и расстались.

Я дошёл до дома, прихватил нужные вещи и ночным поездом уехал в город, который находился в двух станциях от деревни, к другому своему деду — отцу матери.

Вернулся в деревню пораньше, через день. Пройдя дом дяди Серёжи, услышал женский всхлипывающий оклик в спину: «Сынок, ты что мимо дядьки проходишь?» Я обернулся и увидел выбежавшую из ворот встревоженную мачеху дяди Серёжи. По её выражению лица сразу понял, что произошло неладное, хотя и помыслить не мог, что случилась беда. «Что такое?» — напрягся я. Женщина рассказала: «Так тем днём, когда вы со станции пришли, Серёжка лёг спать и ночью умер». Во мне всё перевернулось, к горлу подступил ком, и я поспешил в избу.

Посреди комнаты стоял гроб. Под ним по обычаю еловые лапы, топор, двуручная пила. Вокруг гроба причитали на разные голоса старушки-плакальщицы. В изголовье с заплаканными глазами сидела Лёля.

Как так? Как такое могло случиться? Только человек был жив, и вот его не стало. И терзал вопрос — как дядя Серёжа мог почувствовать приближение смерти? Что или кто указал ему на то, что близится час кончины на этом свете? Это предвидение, как и скоропостижная смерть дяди, потрясла меня до глубины души. В раздумьях о случившемся я не находил себе места и ещё долгое время не мог придти в себя. И мучила совесть, что отнёсся к его последним услышанным мною словам, как к блажи. Перед глазами стоял в калитке живой дядя Серёжа со словами: «Не увидимся, Димка, больше...», и эта картина на всю жизнь въелась горькой слезой в мою память и в моё сердце.

Так сложилось, что с братом Сергея день рождения у нас в один день. В этот же день и похоронили дядю Серёжу. Схоронили рядом с матерью, которой могилку вот только на днях навещали я и её старший сын — Сергий.

Когда я побывал в отчих краях в зрелом возрасте, многое изменилось на родной земле, а что-то и вовсе стёрлось с её лица. Следовал старым маршрутом — сначала на погост, затем в дальнюю деревню, где жил дедушка. Заброшенный дом с выбитыми стёклами и открытой дверью, на коей в насмешку болтался висячий замок с замкнутой на ключ дужкой. Слетевшие с петель настежь распахнутые ворота, сквозь которые виднелся заросший репейником и крапивой двор. И лишь старая яблоня с прогнувшимися ветками, на которых дозревали плоды, служила утешением, что на осиротевшем подворье теплилась хоть какая-то жизнь. В деревне ещё осталось два-три ухоженных дома, хотя мне было и неизвестно, кто в них жил — дачники или старожилы, но душу охватывало чувство обречённости. Будто перед расстрелом. Только ты знаешь, что, когда выедешь за околицу, тебя ждёт амнистия и помилование, а у этой деревни приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

В родной деревне дом, в котором я останавливался, разграбили на дрова или на стройматериал, остался один заросший травой разбитый колодец во дворе. Лишь вековой лес, напоминая мне о бренности человеческого бытья, так же, как и много лет назад, стоял высокой вековой стеной и даже расширил свои владения, заселив сад и огород молодыми деревцами. Развалился и дом бабушки Мани. Под крышей сохранился родительский дом дяди Серёжи, но и он уже был не пригоден для житья. Когда на окрестности опустился вечерний туман, с приливом чувств на мгновение показалось, что вот-вот белёсая дымка рассеется и перед взором предстанет былой образ деревни — багряный закат, целёхонькие избы с белыми занавесками в окошках, благоухающие сады, знакомые голоса присевших на лавочки и увлечённых содержательными разговорами жизнерадостных стариков, задушевные песни под лихую мелодичную гармонь голосистых парней и девчат, что парочками под ручку шествуют по узким улочкам вдоль вереницы дворов, звонкий несмолкаемый смех загулявшей на опушке допоздна и разыгравшейся озорной детворы. Но через минуту понимаешь, что все эти видения безвозвратно утраченной благодати рисуют мимолётные всполохи памяти, напоённой чарующей прелестью и хмельной свежестью родных туманов.

Людская память — это прочная верёвка, сплетённая из тысяч нитей воспоминаний. Чем больше нитей перетрётся и порвётся, тем слабже станет связь с прошлым. А если разрубить верёвку — останется чёрная пустота. Вспоминаю дядю Серёжу, Лёлю, и их окаймлённые светом добрые лица радуют сердце и согревают душу. Лёля здравствует доныне. Нянчится с детьми односельчан. При всей её чудаковатости, люди не боятся оставлять Лёле своих чад и доверяют ей, как родному члену семьи.

И дядя Серёжа, и Лёля, и затерянные в тверских лесах тихие деревушки, и туманы родины — всё это неразделимые частицы моей души, которые питают меня живительной силой, и которые всегда будут существовать во мне светлой и благодарной памятью.